

Звезды
НОВОЙ
ФЭНТЕЗИ

КНИГИ БРЕНДОНА САНДЕРСОНА

АРХИВ БУРЕСВЕТА

Путь королей
Слова сияния
Давший клятву

•

МСТИТЕЛИ

Стальное сердце
Огненный мститель
Звезда Напасть

•

РОЖДЕННЫЙ ТУМАНОМ

Пепел и сталь
Источник Вознесения
Герой Веков

•

ДВУРОЖДЕННЫЕ

Сплав закона
Тени истины
Браслеты Скорби

•

ЛЕГИОН. Стивен Лидс и множество его жизней

•

Устремленная в небо
Видающая звезды

•

Убийца Войн

БРЕНДОН
САНДЕРСОН

Убийца Войн

Санкт-Петербург

Эмили, сказавшей «да»

Т'ТЕЛИР

- 1 - ДВОР БОГОВ
- 2 - ВЫСОТЫ
- 3 - ДОМ ЛЕМЕКСА
- 4 - УБЕЖИЩЕ ДЕНТА
- 5 - РЫНОК
- 6 - ПАРК Д'ДЕНИРА

Карта Т'Телира, скопированная с гобелена из дворца возвращающего бога Жаворонка Отважного, приблизительно 321 год. Это художественное изображение города, и масштаб не соблюден, но карта удобна для справки.

Пролог

«Забавно, — подумал Вашер, — как часто у меня что-то новенькое начинается с каталажки».

Пересмеиваясь, стражники с лязгом захлопнули дверь камеры. Вашер встал, отряхнулся и, морщась, поворачивал плечами. Нижняя половина двери была из толстого дерева, а верхняя — зарешечена, и он увидел, как трое тюремщиков открыли его вместительную котомку и принялись рыться в пожитках.

Один перехватил его взгляд. Здоровенный кабан с бритой наголо головой и в грязном мундире, на котором едва проступали некогда яркие — желтые и синие — цвета городской стражи Т'Телира.

«Яркие краски, — подумал Вашер. — Придется снова к ним привыкать».

В любой другой стране веселенькая желто-синяя расцветка солдатской формы показалась бы нелепой. Однако он находился в Халландрене — в краю возвращенных богов, безжизненных слуг, биохроматических исследований и, разумеется, красок.

Тюремщик-амбал лениво приблизился к двери камеры, предоставив друзьям развлекаться с имуществом Вашера. Смерил его взглядом.

— Говорят, ты крутой, — сказал стражник.

Вашер не ответил.

— Трактирщик сказал, что в драке ты уложил человек двадцать. — Стражник поскреб подбородок. — Мне ты таким крутым не кажешься. Короче, зря ты засветил жрецу. Остальные-то переночуют под замком, а тебе, бесцветный дурак, болтаться в петле!

Вашер отвернулся. Его камера была удобна, хотя и убога. Свет проникал через узкую щель под потолком. Каменные стены, поросшие мхом, сочились влагой; в углу гнила куча грязной соломы.

— Что, язык проглотил? — ощерился страж, подступая еще ближе к двери.

Цвета его мундира стали ярче, как будто улучшилось освещение. Перемена была небольшой. У Вашера осталось мало дохов, и его аура слабо влияла на окружающие цвета. Страж не заметил разницы — как и в кабаке, когда со своими громилами поднял Вашера с пола и зашвырнул в скотовозку.

— Эй! — подал голос стражник, рывшийся в котомке Вашера. — А это что?

Вашер всегда находил занятным, что люди, ведающие тюрьмами, обычно ничем не лучше тех, кого они караулят. Возможно, так и было задумано. Обществу, похоже, все равно, где именно пребывают такого рода субъекты — вне камер или внутри оных; главное — подальше от более честных людей.

Если таковые существуют.

Стражник извлек из котомки длинный предмет, закутанный в белое полотно. Развернул и присвистнул при виде узкого меча в серебряных ножнах. С рукоятью черной как ночь.

— Интересно, у кого он это спер?

Старший всмотрелся в Вашера, прикидывая, не из благородных ли этот тип. Хотя в Халландрене аристократии не водилось, во многих соседних королевствах имелись и лорды, и леди. Но разве лорд облачится в бурый дырявый плащ? Разве лорд будет расхаживать небритым, в сапогах, истоптанных за многие годы пеших блужданий, да с синяками, которых нахватался в пьяной драке? Стражник отвернулся в уверенности, что Вашер не аристократ.

Он был прав. И в то же время заблуждался.

— Дай-ка взглянуть, — потребовал старший и взял меч.

Он крикнул, откровенно удивленный весом оружия. Повернул и заметил застежку, которая крепила ножны к рукояти, не позволяя извлечь клинок. Расстегнул ее.

Краски стали насыщеннее. Не ярче, как жилет стражника, когда тот приблизился к Вашеру. Они сделались гуще. Темнее.

Красное обернулось бордовым. Желтое уплотнилось до золота. Голубое приобрело цвет морской волны.

— Осторожно, приятель, — кротко предупредил Вашер. — Этот меч бывает опасен.

Стражник поднял глаза. Все было спокойно. Тогда он фыркнул и двинулся прочь от камеры Вашера, не выпуская меча. Остальные двое понесли следом суму Вашера и дошли до караульного помещения в конце коридора.

Хлопнула дверь. Вашер тотчас опустился на колени перед кучей соломы, набрал пучок покрепче. Надергал ниток из плаща — подол уж истрепался — и сплел человечка дюйма три ростом, с лохматыми ручками и ножками. Выдрав из брови волосок, приложил его к голове куклы и вытянул из сапога алый шейный платок.

Затем Вашердохнул.

Нечто выплыло из него, пыхнуло в воздух — прозрачное, но блестящее, как растекшееся по воде масло в лучах солнца. Вашер почувствовал, как он исторгся — биохроматический дох, по выражению ученых. Большинство называло его просто дохом. И обладал им каждый. По крайней мере, каждый из этого большинства. Один человек — один дох.

У Вашера было около пятидесяти дохов — число, достаточное только для первого повышения. Обладая столь малым и помня, чем владел когда-то, он ощутил себя нищим, но многие сочли бы пятьдесят дохов несметным богатством. Увы, даже пробуждение фигурки из органического материала с фокусировкой волоском — частичкой себя — отняло добрую половину его дохов.

Соломенное чучелко дрогнуло, впитывая дох. Половина алого платка в руке Вашера стала серой. Вашер нагнулся, воображая желаемые действия фигурки, и завершил процесс командой:

— Забери ключи.

Соломенное чучелко встало, повернулось к Вашеру и вопросительно подняло единственную бровь.

Вашер указал на караульное помещение. Оттуда донеслись изумленные возгласы.

«Времени в обрез», — подумал он.

Соломенный малютка пробежал по полу, подпрыгнул, пролез между прутьями. Вашер снял плащ и расстелил на полу. Получились идеальные очертания человеческой фигуры: прорехи соответствовали шрамам на теле Вашера, сделанные в капюшоне дыры — его глазам. Чем больше предмет напоминал человека, тем меньше дохов расходовалось на пробуждение.

Вашер склонился, стараясь не думать о временах, когда ему хватало дохов, чтобы пробуждать, не заботясь о концентрации и придании формы. Сейчас положение изменилось. Морщась, он выдернул клочок волос и рассыпал по капюшону.

Еще один дох.

На этом дохи кончились. Без них — плащ дрожит, платок вконец обесцвечивается — Вашер почувствовал себя... тусклым. Потеря доха несмертельна. Сказать по правде, те лишние дохи, которыми воспользовался Вашер, когда-то принадлежали другим людям. Он не знал, кому именно, поскольку собирал дохи не сам. Их ему передали. Но иначе, конечно, и быть не могло. Дох нельзя забрать силой.

Отсутствие доха изменило его очень серьезно. Краски померкли. Он не чувствовал людской суеты в раскинувшемся над темницей городе — лишился связи, которую всегда считал неизменной и неотъемлемой. Прежде интуитивная настороженность по отношению к окружающим — та, что предупреждает шепотом в полусне, когда в комнату кто-то входит, — была у Вашера в пятьдесят раз острее, чем у большинства.

А теперь она сгнула. Всосавшись в плащ и соломенное чулок, наделила их силой.

Плащ пошевелился. Вашер склонился над ним.

— Защищай меня, — скомандовал он, и плащ замер.

Вашер выпрямился и надел его снова.

Соломенная фигурка вернулась к решетке и бросила на пол большое кольцо с ключами. Ножки испачкались в крови. И алая кровь сейчас казалась Вашеру невыносимо блеклой.

Он взял ключи:

— Спасибо.

Вашер всегда их благодарил. Зачем и почему — неизвестно, особенно с учетом дальнейшего.

— Твойдох — ко мне, — приказал он, дотронувшись до груди соломенного человечка.

Тот мигом опрокинулся и исчез за дверью, лишившись жизни, а Вашер вернул свойдох. Привычное чувство бдительности восстановилось, как и осознание своей сопричастности, встроенности. Забрать жедох назад он смог лишь потому, что сам пробудил это создание, — вообще, такого рода пробуждения редко бывали стойкими. Он использовал свойдох как резерв — сперва выдал его, потом вернул.

По сравнению с прежним достоянием двадцати пяти дохов было смехотворно мало. Но по сравнению с ничем — бесконечно много. Он удовлетворенно поежился.

Вопли в караульном помещении прекратились. В темнице воцарилась тишина. Надо действовать.

Просунув руку с ключами за прутья, Вашер повозился с замком. Он распахнул толстую дверь и выскочил в коридор, оставив чучелко валяться на полу. В караулку не пошел и к выходу, который был за ней, тоже; он повернул на юг и двинулся вглубь тюрьмы.

Это самая ненадежная часть плана. Найти таверну, часто посещаемую жрецами Радужных тонов, было достаточно просто. Ввязаться в драку и врезать такому святоше — не труднее. В Халландрене крайне серьезно относились к духовенству, и Вашер заработал не обычное заточение в местную кутузку, а путешествие в темницы Бога-короля.

Зная нравы тамошних тюремщиков, он очень ловко смекнул, что они захотят вынуть из ножен Ночного Хищника и отвлекутся, а он тем временем добудет ключи.

Но дальше его ждет непредсказуемое.

Вашер резко остановился; пробужденный плащ заколыхался, шурша. Оpoznать нужную камеру оказалось легко, благо ее солидно окружили обесцвеченным камнем — тускло-серыми были и стены, и двери. В таких-то местах пробуждающих и держали, ибо нет цвета — нет пробуждения. Вашер подошел к двери, глянул сквозь прутья. Голый, в цепях, под потолком висел человек. Для зрения Вашера он был окрашен ярко: кожа — чистый коричневый цвет, следы побоев — синие и фиолетовые пятна.

Узнику вставили кляп. Еще одна мера предосторожности. Нужны три вещи, чтобы пробуждать:дох, цвет и команда. Иные называли их обертонами и оттенками. Радужные тона, взаимосвязь цвета и звука. Команду полагалось произнести ясно и твердо на родном языке пробуждающего. Малейшее заикание, ничтожный сбой в произношении — и пробуждению не бывать. Дох исторгнется, но объект не сможет действовать.

Вашер отпер дверь украденными ключами и вошел в камеру. Когда он приблизился, аура узника резко усилила окружающие цвета. Столь мощную ауру заметил бы любой, хотя достижшему первого повышения такое далось намного легче.

Это была не самая сильная биохроматическая аура на памяти Вашера — те, другие, принадлежали возвращенным, считавшимся здесь, в Халландрене, богами. И все-таки биохрома узника производила сильное впечатление, она была гораздо мощнее, чем у самого Вашера. В узнике заключалось много дохов. Сотни, если не тысячи.

Человек качнулся в оковах, изучая Вашера. Запечатанные губы кровоточили от обезвоживания. Помедлив секунду, Вашер выдернул кляп.

— Ты, — прошептал узник и глухо закашлялся. — Пришел меня освободить?

— Нет, Вахр, — тихо ответил Вашер. — Я пришел тебя убить.

Вахр фыркнул. Заточение стало для него суровым испытанием. При их последней с Вашером встрече он был дороден. Судя по нынешней худобе, его давно не кормили. Порезы, кровоподтеки и ожоги были свежими.

Следы пыток и затравленный взгляд Вахра, под глазами которого набрякли темные мешки, выдали горькую правду. Дох передается лишь добровольной, целенаправленной командой. Но этой команды от человека можно добиться.

— Значит, — прокаркал Вахр, — ты осуждаешь меня, как все.

— Твой неудачный мятеж — не моя забота. Мне нужен только твой дох.

— Тебе и всему халландренскому Двору.

— Да. Но ты не отдашь дох кому-нибудь из возвращенных. Ты расплатишься им со мной за твое убийство.

— Я бы не назвал это выгодной сделкой.

Голос Вахра был пресным, в нем отсутствовали эмоции. Вашер вспомнил, что много лет назад, перед тем как они расстались, этого не было.

«Странно, — подумал Вашер, — что в самом конце я все-таки нашел у нас нечто общее».

Он держался на безопасном удалении от Вахра. Теперь, обретши голос, тот мог отдать команду. Но он не соприкасался ни с чем, кроме железных цепей, а пробудить металл очень трудно. Металл никогда не бывал живым и не принимал форму человеческого тела. Вашеру даже при полной силе удалось лишь несколько раз, в особых обстоятельствах, пробудить его. Конечно, некоторые сильнейшие пробуждающие умени оживлять предметы на расстоянии. Но это требовало девятого повышения. Такой уймы дохов не было даже у Вахра. По сути, Вашер знал лишь одного такого: Бога-короля.

Поэтому Вашеру, пожалуй, ничто не грозило. Вахр имел вдоволь дохов, но пробуждать ему было нечего. Вашер обошел закованного в цепи, не находя в себе ни малейшего сочувствия. Вахр получил по заслугам. Однако жрецы не дадут ему умереть с таким солидным запасом дохов: умрет — и дохов не станет. Они исчезнут. Необратимо, навсегда.

Упустить такое сокровище не позволяло себе даже правительство Халландрена с его крайне строгими законами о покупке и передаче дохов. Оно жаждало их до того алчно, что воздерживалось от казни опасного преступника. Потом оно проклянет себя за столь слабую охрану Вахра.

Но и Вашер, как ни крути, два года ждал подходящей возможности.

— Итак? — спросил Вахр.

— Отдай мне дох, — шагнул вперед Вашер.

Вахр фыркнул:

— Сомневаюсь, что ты искуснее палачей Бога-короля, а я продержался здесь уже две недели.

— Поверь, я мог бы тебя удивить. Но сейчас не до этого. Ты всяко отдашь мне дох. Знаешь же, что у тебя только два варианта: уступить его либо мне, либо им.

Вахр, подвешенный за кисти, медленно вращался. Молча.

— У тебя маловато времени на размышления, — заметил Вашер. — Мертвых стражников могут обнаружить в любую секунду. Объявят тревогу. Я уйду, а тебя обязательно продолжат пытаться, и ты точно сломаешься. Затем вся мощь, которую ты накопил, достанется тем самым людям, кого ты призывал уничтожить.

Вахр уставился в пол. Вашер дал ему еще чуток повисеть — пусть до него дойдет суровая правда. Наконец Вахр поднял взгляд на Вашера:

— Та... вещь, с которой ты ходишь. Она здесь, в городе?

Вашер кивнул.

— Я слышал крики. Это из-за нее?

Снова кивок.

— Как долго ты пробудешь в Т'Телире?

— Какое-то время. Может быть, год.

— Ты используешьдох против них?

— Чем я займусь — мое дело, Вахр. Ты соглашаешься или нет? Быстрая смерть в обмен на дохи. Это я тебе обещаю. Твоим врагам они не достанутся.

Вахр замолчал.

— Забирай, — прошептал он в итоге.

Вашер возложил на чело Вахра ладонь, стараясь не коснуться узника одеждой, чтобы Вахр не приобрел для пробуждения цвет.

Вахр не шелохнулся. Он словно оцепенел. Затем, когда Вашер уже заволновался, не передумал ли узник, Вахрдохнул. Из него хлынули краски. Это была прекрасная Радуга — аура, которая позволяла ему выглядеть величественно вопреки оковам и ранам. Она вытекла изо рта и мерцающим туманом повисла в воздухе. Вашер закрыл глаза и вобрал ее.

— Моя жизнь — к твоей, — скомандовал Вахр с ноткой отчаяния. — Мойдох — стань твоим.

Дох перетек в Вашера, и все вокруг ожило. Бурый цвет плаща насытился, сделался гуще. Кровь на полу предстала ослепительно-красной, как пламень. Даже кожа Вахра выглядела шедевром живописи: густо-черные волосы, ультрамариновые синяки и ярко-алые порезы. Вашер уже много лет не ощущал такой... жизни.